

УДК 321.6 /. 7

М. А. Петров

НУЖНА ЛИ РЕВИЗИЯ ЮЖНОЕВРОПЕЙСКИХ ТРАНЗИТОВ?

ПЕТРОВ Михаил Александрович – кандидат политических наук, доцент Высшей школы иностранных языков. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: quasimodo.r@gmail.com.

В статье рассматривается опыт перехода к демократии стран южноевропейского ареала в современном контексте. Так как в свое время опыт этих стран получил высокую оценку в политической литературе, автор задается вопросом, может ли он быть полезен в наше время? Отличительной особенностью всех стран Южной Европы был национальный консенсус, который позволил им построить консолидированную демократию и отлаженно работающие политические институты. Автор убежден, что этот опыт до сих пор оказывается актуальным, а политика консенсуса не имеет альтернативы.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ; КОНСЕНСУС; СТРАНЫ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ; КОНФРОНТАЦИЯ.

Целое поколение политологов выросло с непререкаемой и неоспариваемой мыслью о том, что страны Южной Европы, особенно Испания, являются образцом и примером успешной смены моделей политического развития с авторитарной на демократическую. Посягнуть на это утверждение считалось тем же самым, что поставить под сомнение какую-нибудь известную аксиому. На южноевропейском материале были проведены серьезные исследования, об успешном опыте перехода стран Южной Европы к демократии были написаны многочисленные работы. Собственно говоря, сам этот опыт и послужил основой для развития нового направления в политической науке – транзитологии. Также на основе испанского опыта была создана модель демократического транзита, в основе которой лежал консенсус как альтернатива конфронтации.

На протяжении более трех десятилетий политическое и экономическое развитие стран Южной Европы вроде бы вполне оправдывало ту высокую оценку, которую они заслужили в политологической литературе. Однако, события после перманентного кризиса 2008 года поставили под сомнение все накопленные знания и описанный опыт южноевропейского ареала. Из всех стран Евросоюза страны Южной Европы оказались самыми уязвимыми и незащищенными перед кризисом. Греция и Португалия уже стали получателями крупных пакетов помощи, за ними в очередь были готовы встать Испания и Италия. Зачастую экономический крах сопровождался или ему предшествовала политическая нестабильность, как, например, в Греции. Вообще Греция, которая когда-то считалась чуть ли не эталоном демократического транзита, вдруг обнаружила серьезнейшие слабости политической и экономической системы, корни которых уходят как раз в период перехода от диктатуры к демократии. Как раз тогда, в период «институциональной ковкости» в Греции не были решены задачи, которые должны решаться в период демократического транзита. Образно выражаясь, в этой стране новый политический каркас был одет на нереструктурированные экономические отношения. Результатом этого стало сохранение модели олигархического капитализма, при которой несколько семей владеют ключевыми предприятиями в экономике. Поэтому в последующие десятилетия социальная напряженность в Греции не снижалась, как в других реформирующихся странах, а накапливалась. Она получила выход в конце 2008 года, когда полицией был убит один из демонстрантов-вандалов и в стране начались массовые демонстрации протеста.

Хотя на фоне Греции Португалия и Испания выглядят гораздо более благополучно, но и они выказали определенное несовершенство своих систем. Так, Португалия наряду с Грецией до сих пор остается одной из самых бедных стран Европы, и мировой кризис только лишний раз обнажил это. Даже в Испании в последние годы проявились проблемы, которые казались решенными во время транзита. Испания часто преподносилась в политологической литературе не только как страна, мирно расставшаяся с авторитаризмом, но и как полития, которой удалось

преодолеть националистические тенденции в отдельных регионах и предотвратить распад государства. Благодаря предоставлению регионам широких полномочий (даже больших, чем в некоторых федерациях) и проведению автономизации в два этапа, была решена проблема баскского и каталонского национализма. Одним из доказательств этого успеха стало прекращение деятельности баскской террористической организации ЭТА, так как в условиях широких финансовых и политических полномочий, предоставленных баскам, деятельность этой организации стала просто бессмысленной. Однако теперь самая богатая провинция Испании, Каталония, используя уже легитимные средства, хочет провозгласить независимость, ставя тем самым под угрозу существование испанского государства автономий.

Даже в наше время термин Южная Европа имеет не столько географическое, сколько политико-экономическое значение, символизируя традиционную отсталость стран южного ареала в противоположность развитой Западной Европе. Можно сказать, что Испания оказалась единственной страной Юга (не считая Италии), сумевшей перешагнуть эту разделительную линию и получить столь желанный и лестный статус развитой страны, или по выражению журнала Экономист, серьезной страны, с которой нужно считаться [1]. Но прошедшие со времени начала испанского демократического транзита тридцать лет также выявили определенные слабости национальной экономики. Испании так и не удалось сократить сохраняющийся разрыв в уровне жизни (а он составляет 20%) с остальными развитыми странами, точно также как не удалось снизить самый высокий в Европе уровень безработицы, составляющий 25%. И это при том, что в первые два десятилетия после транзита Испания была крупнейшим получателем экономической помощи от ЕЭС.

Все эти изъяны экономических и институциональных систем стран Южной Европы заставляют задаться вопросом: а не был ли их опыт строительства демократии неоправданно переоценен, а его ценность искусственно завышена?

Если быть кратким, автор не считает этот вопрос риторическим и дает на него вполне конкретный ответ – нет. Обоснованию этого ответа и посвящена последующая часть статьи.

Лечите и сравнивайте подобное с подобным

В эпоху, когда информация распространяется за доли секунды, а любые расстояния в Европе преодолеваются за несколько часов, разделение европейского континента на Север и Юг носит либо условный, либо экономический характер, являясь оппозицией отсталость (Юг) – развитость (Север). Таким образом, одним из аргументов в пользу экономической несостоятельности стран Южной Европы может быть такой: почему они до сих не сравнялись с западноевропейскими странами в уровне развития? Здесь можно вспомнить совет булгаковского героя Воланда, данный им незадачливому Степану Богдановичу, приходящему в себя после похмелья: лечите подобное подобным [2]. Очевидно и сравнивать надо подобное с подобным. Правомерно ли сравнение южноевропейских стран с Германией, Францией или Великобританией? Три последние страны, несмотря на все внутренние перипетии, традиционно считались развитыми и полноценные капиталистические отношения возникли в них гораздо раньше, чем на Юге Европы. Страны же Южной Европы столетиями образовывали специфический ареал с патерналистскими отношениями, отличными от всей остальной Европы. Американский исследователь Говард Виарда определил южноевропейскую политическую культуру как средиземноморскую (корпоративистскую), но не в уничижительном смысле этого слова, а как возможную альтернативу западному пути развития [3]. Отсюда было бы наивно ожидать, что все эти особенности, составляющие прочный узор в ткани южноевропейских обществ, будут трансформированы за три десятилетия. Скорее, в трех южноевропейских странах они были изменены или трансформированы в разной степени, которая и определила динамику их экономического развития. Если Испании в наибольшей степени удалось отойти от традиций патернализма и этатизма, то она в наибольшей степени и приблизилась к Западной Европе по уровню жизни и потребления. Можно также сказать, что по своим стартовым условиям Греция и Португалия

находились даже в худшем положении, чем Польша, Венгрия или Чешская Республика. Эти восточноевропейские страны подошли к транзиту в статусе стран со средним уровнем развития и элементами рыночной экономики. Однако хотя в Греции и Португалии функционировала рыночная система, она основывалась скорее на этатистских и патерналистских механизмах, нежели на законах конкуренции и свободного рынка. Плюс к этому в нее еще примешивался и олигархический компонент, которого не было в наиболее развитых странах Восточной Европы. В транзитологической литературе часто можно встретить утверждение о том, что наличие рыночной экономики в значительной степени облегчает переход к демократии. Многие советологи считали наличие рыночной экономики у латиноамериканских и южноевропейских стран преимуществом по сравнению с бывшими коммунистическими странами. Так оно и есть, если мы говорим о полноценной версии рынка, какая, например, была создана к моменту транзита в Испании, т.е. к 1975 году. Но если речь идет о рыночных механизмах, далеких от принципов конкуренции и частной инициативы, то такой рынок может послужить скорее препятствием, чем преимуществом. В некоторых случаях проще начинать с чистого листа, чем пытаться реформировать устаревшую и изжившую себя экономическую модель. Сам мирный и консенсусный характер южноевропейских транзитов (если не считать Португалию) исключал полный слом существующей системы, что и предопределило сохранение в ней некоторых элементов патернализма или даже олигархии, как в Греции.

Наконец, следует помнить, что страны Южной Европы рассматривались как модель именно политического транзита от авторитаризма к демократии, а не как витрина успешных экономических реформ. Мирный демократический транзит позволил этим странам построить отлажено функционирующие политические институты, но это вовсе не предполагало автоматическое создание процветающей экономики. Демократия только лишь предоставляет инструменты для реформирования общества, а как их использовать – это уже дело народов этих стран.

Однако, если проявления отставания Южной Европы от остальных европейских стран лежат на поверхности и видны невооруженным взглядом, то их успехи зачастую скрыты, неочевидны или теряются в потоке критических сообщений в СМИ. Как раз прорывы и успехи южноевропейских стран после 1975 года будут рассмотрены в последующей части статьи на примере Испании и Греции.

Эта «отсталая» Испания

Испания прочно вошла в массовое сознание как туристический курорт без особо развитой промышленности. Но так ли это? Вопреки расхожему мнению, само по себе преобладание в экономике туристического бизнеса отнюдь не является показателем слаборазвитости страны. По определению, он относится к сфере услуг, которая как раз и составляет основу пост-индустриального (пост-модернистского) этапа в развитии человечества. В развитых странах сектор услуг преобладает над промышленным сектором. В Испании еще во время транзита это соотношение составляло 60% к 40%. Таким образом, еще до перехода к демократии Испания экономически уже перешла от индустриального к пост-индустриальному обществу. Помимо туристического бизнеса к сектору услуг относится также и банковская система. Здесь, как и в туризме, Испания занимает достаточно сильные позиции. Например, Банко де Бильбао считается вторым по величине банком в Европе [4].

Испанские бренды не являются самыми известными в мире и даже специалисты затруднились бы их назвать, хотя, конечно, они есть. К ним можно отнести телекоммуникационного гиганта Телефоника или уже упоминавшийся Банко де Бильбао или нефтяную компанию Репсоль (при том, что в самой Испании нефти нет). Хотя надо отметить, что в основном, испанские бренды присутствуют в трех областях - мода, строительство и банковская сфера и их практически нет в высокотехнологичных сферах. Однако основу экономики страны составляют мелкие и средние предприятия, что, кстати, и является показателем нормально функционирующего рынка. Кроме того, многие испанские фирмы являются лидерами в узкоспециализированных областях, например, в области производства оборудования для пищевой промышленности. Не

чужды испанской экономике и мегапроекты. Так, в Испании почти вся территория, включая и сельскую местность, охвачена широкополстным Интернетом. Также, от самого удаленного населенного пункта скоростная железная дорога находится не дальше, чем в 50 километрах. Вся территория страны охвачена сетью современных шоссейных дорог, что делает страну обладающей одной из самых развитых транспортных инфраструктур в Европе. Учитывая, что по европейским меркам Испания довольна большая страна, это можно рассматривать как неоспоримый успех ее экономической политики.

По данным журнала “The Economist” за прошедшие тридцать лет уровень дохода в Испании вырос на 75%, а в течение десятилетия темпы экономического роста страны считались одними из самых высоких в мире, уступая только Японии [1]. Также в Испании процент семейного бюджета, расходуемого на питание, одежду и оплату коммунальных услуг, за период 1958 – 1980 годов сократился с 74 до 55%, в то время как расходы на отдых возросли за этот же период с 18 до 35%. В 1990 году средняя продолжительность жизни в Испании (76,6 года) была на несколько лет больше чем в других развитых странах (73,7 года). Кроме того, уровень детской смертности в Испании в 1991 году был ниже, чем в таких развитых странах как Соединенные Штаты и Новая Зеландия. Наконец, по индексу качества жизни, определяемому ООН по целой совокупности показателей (доход на душу населения, уровень образования, уровень преступности и т.д.) Испания в 1993 году занимала третье место, уступая только Швейцарии и Германии, но опережая Соединенные Штаты, которые были на восьмом месте [5] (справедливости ради надо отметить, что по аналогичному показателю в 2005 году Испания сместилась на 21-ое место [6], что все равно достаточно высокий показатель).

Теперь сравним доход Испании, Португалии и Греции с другими странами. По данным мониторинговой службы ВВС в 2010 году доход на душу населения в Испании составлял около 32 тыс. долларов, в Португалии – около 22 тыс., а в Греции – около 27 тыс. долларов. В наиболее развитых странах Восточной Европы раскладка дохода была следующая: в Польше – около 12 тыс., в Венгрии – около 13 тыс. и в

Чехии – около 18 тыс. долларов. Как видно, отставание от Испании в среднем составляет почти два раза. И, наконец, приведем данные по трем странам Западной Европы – Германии, Франции и Италии. В Германии ежегодный доход составил около 43 тыс. долларов, во Франции – около 42 тыс., а в Италии – около 35 тыс. долларов. Разрыв все еще существенный, но Испания уже вплотную приближается к Италии. Конечно, сам по себе уровень дохода не может отражать всей динамики процессов в экономике, так как для уровня жизни населения имеет значение не только доход, но и уровень цен, и качество дорог, и качество образования и медицинского обслуживания. Но тем не менее уровень доходов населения можно считать одним из важнейших экономических индикаторов, а по нему страны Южной Европы занимают среднее положение.

Эта "нестабильная" Греция

Существует выражение, что система сильна настолько, насколько сильно ее слабое звено. Если Испания оказывается наиболее сильным звеном южноевропейского ареала, то Греция и Португалия ее наиболее слабыми звеньями. Рассмотрим это утверждение на примере Греции. Ранее мы уже делали оговорку, что ценность юноевропейского опыта лежит в политической, а не экономической плоскости, поэтому опыт Греции будет рассматриваться нами применительно к созданию политических институтов и жизнеспособной политической системы.

Хуан Линц называет греческую демократию низкого качества, но в то же время делает вывод, что несмотря на это, греческая демократия выказала удивительную гибкость и адаптивность [7]. В новейшей истории Греции можно найти, как минимум, два примера, показывающие как отлажено работающая демократическая система позволила стране избежать краха и хаоса. Первый эпизод относится к 1989 году, когда на парламентских выборах ни одной из партий не удалось набрать большинство и страна получила "подвешенный парламент". В результате партиям пришлось образовывать альянсы (стандартная практика в парламентских государствах), и здесь произошла ранее немыслимая для греческой политики комбинация - коалицию образовали Новая Демократия (правая партия, политический преемник авторитарного режима,

существовавшего в стране до 1974 года) и Партия Прогресса (коммунисты). Две эти политические силы всегда находились в оппозиции и пойти на сотрудничество они смогли только благодаря консенсусному характеру транзита в Греции и твердо установленным правилам игры, при которых партии могли мирно сменять друг друга у власти, не опасаясь мести со стороны победителя. В 1989 году союз между правыми и коммунистами позволил сформировать правительство, которое провело необходимые реформы, в том числе избирательной системы.

Вторую проверку на прочность греческая демократия прошла совсем недавно – в 2015 году, когда к власти пришло популистское правительство А. Ципраса. Этот политик был избран на фоне недовольства греков болезненными экономическими реформами и противостояния с Европейским Союзом, требовавшим от Греции отказа от ее прежней социальной политики. Ципрас был лидером левой партии Сириза, но его взгляды выходили даже за рамки этой партии и были близки ее радикальному крылу. Также помимо официального мандата от греков Ципрас имел одобрение населения, которое на референдуме высказалось против выплаты внешнего долга на условиях Евросоюза. Казалось в этой ситуации греческий премьер-министр мог отказаться от поиска компромисса с ЕС и, имея официальный и неофициальный мандат от греков, вообще отказаться от выплаты долга и взять курс на выход из Евросоюза. Однако к удивлению многих Ципрас оказался гораздо более сдержанным и компромиссным, а его крайне левые взгляды не помешали ему договариваться с ЕС и даже брать на себя обязательства, против которых он сам выступал до своей победы на выборах. Такая уступчивая политика Ципраса привела к расколу в рядах его партии, а многие греки стали считать его предателем. Однако неожиданный крен Ципраса к компромиссам свидетельствует не о его слабости, а о зрелости греческой политической системы, которая прошла период "институциональной ковкости" и перешла к состоянию институционально ограниченного пути развития (*institutional path dependency*), что является отличительной чертой консолидированных демократий. Хотя современные демократии и позволяют ротацию партий у власти, но набор возможностей победителей

достаточно ограничен, так как им приходится действовать в рамках уже сложившихся правил и действующих институтов. Такие ограничения, с одной стороны, гарантируют стабильность системы, с другой делают политических акторов более ответственными субъектами этой системы. Они могут корректировать отдельные фрагменты системы, но в силу институциональных ограничений не в состоянии ее разрушить. Вот почему левый Ципрас вдруг превратился в достаточно компромиссного и готового к диалогу политического лидера.

В Испании мы можем наблюдать ту же тенденцию, возможно, еще в более явной форме. Известно, что одним из элементов испанской консенсусной модели был так называемый "Пакт забвения" - негласный договор между правительством и оппозицией об отказе преследовать победителей в Гражданской войне, т.е. франкистов. Можно спорить о том, насколько справедливо или несправедливо это было для жертв франкизма, но это позволило стране избежать новой гражданской войны. Несмотря на прошедшие десятилетия Пакт забвения до сих остается в силе и любые попытки его нарушить пресекаются испанскими институтами. Когда всемирно известный испанский судья Гарсон, инициатор уголовного преследования бывшего чилийского диктатора Пиночета, попытался завести уголовные дела против бывших франкистов, испанские политические институты тут же отреагировали и судья был отстранен от должности. Так в Испании на институциональном уровне пресекаются попытки нарушить консенсус, сложившийся в обществе во время перехода от авторитаризма к демократии.

А если мы зададимся вопросом: а было бы положение стран южноевропейского ареала лучше, если бы они жили не при демократии (результат успешного транзита), а при диктатуре или при институционально слабых гибридных режимах? Диктаторские режимы Греции и Португалии «заморозили» экономическое развитие своих стран, привели их к внешнему поражению и экономическому краху. Греция потерпела поражение в конфликте с Турцией, а Португалия не смогла удержать свои колонии в Африке. Режим Франко в Испании, хотя и выступил инициатором экономических реформ, но в конце своего

правления исчерпал возможности развития и стал тормозом на пути тех модернизационных процессов, которые сам же начал. К тому же все три страны были изолированы политически, так как считались последними «заповедниками авторитаризма» в Западной Европе. Демократия позволила всем трем странам стать полноценными членами сообщества западных государств и интегрироваться в европейские политические и экономические организации.

Больше того, успешный опыт Южной Европы имел и внешние проявления. На его основе была создана модель консенсусного демократического транзита. Когда в 1989 году в Польше, Венгрии и Чехии начались демократические процессы, коммунистические элиты этих стран посчитали, что издержки применения насилия окажутся выше издержек либерализации и поэтому конфронтации предпочли консенсус. В значительной степени этому способствовал успех испанского демократического транзита, в основе которого лежал тройной консенсус - между правящей и оппозиционной элитами, между литой и обществом и, наконец, внутри самого общества (уже упоминавшийся Пакт забвения одно из проявлений консенсуса). В наибольшей степени к испанской модели приблизилась Венгрия, в которой, как и в Испании до транзита были осуществлены значительные экономические реформы (так называемый «социализм гуляша» Я. Кадара). В Польше проявлением политики консенсуса стали круглые столы с участием коммунистического режима и оппозиции. Итогом во всех трех странах стал мирный переход власти к оппозиции и возможность ротации различных политических сил у власти. Значительная роль здесь принадлежит испанской консенсусной модели, которая к тому времени уже доказала свою состоятельность, а благодаря ее постоянной популяризации в транзитологической литературе стала практически безальтернативной для коммунистических и оппозиционных элит.

Похороны консенсуса или Украина как пример антиконсенсуса

Сразу после первого издания революции на Украине в 2004 году американский советолог Майкл Макфол опубликовал в "Journal of Democracy" статью, в которой обосновал неактуальность испанского опыта

для стран, переживающих транзит, в частности, для Украины. Основным упрек Макфола по отношению к южноевропейским транзитам, состоял в том, что они были элитистскими, т.е. осуществлялись сверху, а значит носили ограниченный характер. Также, отмечает эксперт, мир сильно изменился, появились реалии, которых не было во времена Франко, например, Интернет. Все это делает невозможным и неактуальным заимствование испанского опыта в наше время. Однако на примере анализа демократического транзита в Тунисе в 2010 году Альфред Степан убедительно доказал, что в этой североафриканской стране был реализован мирный, консенсусный сценарий передачи власти, вполне укладывающийся в рамки юноевропейской модели.

Однако вопрос представляется шире. Если мы отвергаем консенсус, то как альтернатива ему остается конфронтация. Хотя есть и более тонкие градации транзита. Это не только оппозиция конфронтация - консенсус, но и навязанный консенсус. На Украине в 2014 году был реализован конфронтационный сценарий перехода и его издержки оказались для страны чрезмерно высокими: потеря части территории, гражданская война, падение экономических показателей. Это тот фон, на котором уходили в небытие авторитарные режимы Греции и Португалии, но никак не фон для нового демократического режима. Хотя испанский и другие юноевропейские транзиты называют элитистскими, на Украине результат оказался одинаково предсказуемый: у власти все равно оказались представители элиты, но только в отличие от стран Южной Европы, с признаками олигархизма. Если бы не преждевременный отказ от политики консенсуса среди западных элит и политологического сообщества, на Украине вполне мог бы осуществиться консенсусный сценарий, или как минимум сценарий, основанный на навязанном консенсусе. Как это ни покажется странным, но единственным актором, действовавшим в рамках договорной модели транзита (пусть и со значительными оговорками), был тогдашний президент Украины Виктор Янукович. Как того требует классическая элитистская модель транзита, Янукович был готов открыть дорогу мирной и спокойной смене режима, подписав практически все требования оппозиции. На следующих выборах Янукович, скорее всего,

потерпел бы поражение и оппозиция пришла бы к власти легитимным путем, что позволило бы Украине остаться единой страной и сохранить свою целостность.

Теперь представим, что было бы, если бы испанские элиты попытались использовать стратегию конфронтации при переходе к демократии. Никакого Пакта забвения подписано бы не было, над бывшими франкистами начались бы массовые суды, что вызвало бы раскол в обществе. В Страну басков, в которой были сильны настроения за выход из Испании, были бы направлены воинские части, что привело бы к распаду испанского государства. В этих условиях трудно гарантировать, что попытка военного переворота в 1981 году не имела бы шансов на успех.

Важно отметить, что помимо консенсуса двумя другими важными чертами южноевропейских транзитов (по крайней мере, в Испании и Греции) являются их легитимность для все слоев общества и большое внимание социальной политике. Официальный преемник диктатора Франко Хуан Карлос имел все возможности ускорить демократические реформы, просто распустив старые франкистские институты. Вместо этого молодой король сосредоточился на более сложной и юридически тонкой задаче: демонтировать франкизм не выходя за рамки франкистской законности, так как только в этом случае можно было избежать раскола общества и отторжения значительной частью населения новых демократических правил игры. Многие критики, например, уже упоминавшийся М. Макфол, считают, что сам элитистский характер южноевропейских транзитов делает их достаточно ограниченными и контролируруемыми сверху. Однако, как показывает опыт, именно в странах с элитистской моделью транзита были построены наиболее эффективные системы социальной защиты населения, иногда даже со значительными издержками для экономики. Например, одно из объяснений высокого уровня безработицы в Испании, состоит в том, что работодатели боятся принимать новых сотрудников, потому что их потом почти невозможно уволить (настолько сильны в этой стране профсоюзы). Наоборот, в странах

с конфронтационной моделью транзита, социальная политика часто оказывается принесенной в жертву экономическим реформам.

В данной статье автор намеренно употребляет выражение южноевропейский, а не испанский опыт, хотя Испания традиционно считается самым ярким примером успешного демократического транзита. Опыт Греции является не менее интересным, так как показывает, что консенсусному переходу не обязательно должны предшествовать успешные экономические реформы (как было в Испании). В статье уделено меньше внимания опыту Португалии, так как она выделяется среди других стран Южной Европы своим революционным характером транзита. Однако несмотря на это, результат транзита в Португалии оказался схожим с другими южноевропейскими странами: построение консолидированной демократии.

Южноевропейские транзиты, несмотря на схожесть результата, демонстрируют широкое разнообразие оттенков. Если в Испании инициатива перемен исходила со стороны режима, то в Греции и Португалии со стороны государства. Но при этом Греция пришла к демократии через консенсус, а Португалия через революцию. Таким образом ни в одной из трех стран не было идеальных условий для транзита, а это значит, что южноевропейский опыт по-прежнему имеет широкие перспективы применения.

События на Украине и в других странах демонстрируют, что отказ от политики консенсуса, впервые опробованной в Южной Европе, произошел слишком рано, а элитистский, контролируемый переход, остается предпочтительнее "творчества" народных масс. Испанский опыт рано класть на полку или списывать в архив, наоборот, стоит продолжать его изучение и популяризацию, делая, конечно, существенную поправку на современные условия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. The second transition // Economist – 2004. Vol. 371, Issue 8381. – P. 3-5.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – СПб: Азбука, 2011. – 416 с.
3. Wiarda, Howard. The soul of Latin America: The cultural and political tradition. – New Haven; London: Yale university press, 2001. – P. 65.

4. Spanish business // Economist – 2007. May, 3rd.
5. **Gunther R., Montero J. R, Botella J.** Democracy in modern Spain. – New Haven: Yale univ. press, 2004. – P. 71.
6. www. hdr.undp.org: Human Development Report, 2005. – P. 219.
7. **Linz J., Stepan A.** Problems of democratic transition and consolidation. - Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996. – C.137.

PETROV, Mikhail A. – Ph.D. in Political Science, Associate professor. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya street, 29, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: quasimodo.r@gmail.com.

SHOULD SOUTH EUROPEAN DEMOCRATIC TRANSITIONS BE REVISED?

The article considers the experience and application of South European democratic transitions in modern conditions. As the South European model of democratic transition has been highly praised in political literature the author asks a question if this experience may be helpful nowadays. The distinctive feature of democratic transition in all these countries was national consensus which allowed them to move to consolidated democracy and build well performing political institutions. The author is deeply convinced that South European experience remains in big demand and consensus has no alternatives.

DEMOCRATIC TRANSITION; CONSENSUS; SOUTH EUROPEAN COUNTRIES; POLITICAL INSTITUTIONS; CONFRONTATION.
